

Братан вернулся с высоко поднятым хвостом, и хотя он пытался спрятаться, его острый нос всегда находил его.

— Братан, я потратил 34 юаня на потрёпанную сумку и старую словарную тетрадь. Сумку я не использую, да и продать её не могу. А тетрадь ты уже вернул обратно. Скажи, разве я не купил воздух за эти 34 юаня? Ты знаешь, сколько порций лапши с мясом и перцем можно купить на эти деньги?.. Целых две порции! И ещё можно добавить бутылку твоего любимого «Сумасшедшего любовника». Ты понимаешь, как ты расточителен?

— Уууу, — Братан терся о него, его длинная шерсть развевалась на ветру.

— Благодарить тебя? Ты растратил деньги, а я ещё должен тебя благодарить? — Цянь Юцай топал ногами от злости. — Кажется, я больше не могу с тобой общаться.

Глубокой ночью, когда лёгкий ветерок приносил с собой пронизывающий холод, Цянь Юцай тащил чемодан по пустынной улице. Он был измотан, за этот день он прошёл больше, чем за все свои 18 лет. Братан бежал рядом, высоко держа хвост, то забегая вперёд, то возвращаясь, полный энергии.

Впереди них был ещё один человек, полный сил — Ли Юмао. Он ехал на велосипеде, покачиваясь из стороны в сторону, и казалось, что даже небольшой порыв ветра мог сбросить его с седла. Время от времени он звонил в звонок, и его звонкий звук разносился в ночи, словно возвращая улице былую оживлённость.

Цянь Юцай увидел, как он остановился неподалёку и свернул в узкий переулок, где едва могла проехать машина. Ли Юмао толкал велосипед, а по обеим сторонам переулочка стояли маленькие лавки, большинство из которых уже закрылись, и лишь несколько заведений, торгующих закусками, ещё работали. Ли Юмао поздоровался с хозяином одной из них и обменялся с ним парой слов.

Дорога в переулочке была выложена булыжником, и Цянь Юцай с трудом тащил чемодан, создавая много шума. Поэтому, войдя в переулок, он держался на большем расстоянии от Ли Юмао. Братан тоже не любил булыжники, он шёл не по прямой, а выбирал более ровные места, извиваясь всем телом. В сочетании с его крупным телосложением это делало его похожим на танцующую свинью, одновременно смешную и милую.

Ли Юмао снова позвонил в звонок и свернул в ещё более узкий переулок, тёмный и тесный, где слышался шум ветра, бьющего по навесам. По сторонам лежали куски кирпичей и камней, а из щелей пробивались несколько сорняков, качаясь на ветру.

Он остановился у здания высотой в шесть или семь этажей. Перед домом сушился лук. Ли Юмао поставил велосипед и запер его, затем снова позвонил в звонок. Убедившись, что с велосипедом всё в порядке, он не спеша открыл дверь. Дверь была из нержавеющей стали и при открытии издавала громкий скрип. Он прислонился к двери, глядя на безлунное небо.

Цянь Юцай услышал звук открывающейся двери и спрятался за углом здания. Ему нужно было лишь выглянуть, чтобы увидеть Ли Юмао у двери. Но он не двигался, даже не смея дышать.

Прошло пять или шесть минут, и Ли Юмао наконец произнёс:

— Я знаю, что ты здесь. Заходи.

— ...

Не получив ответа, Ли Юмао обернулся и, увидев испуганного Цянь Юцай, сказал:

— Уже поздно, тут часто орудуют грабители. Ты уверен, что не хочешь войти?

Услышав слово «грабители», Цянь Юцай сжался и быстро присел, обхватив Братана.

Ли Юмао, видя, как он упрямо держит Братана и озирается по сторонам, больше не стал настаивать. Он подошёл, взял его чемодан и понёс в сторону дома.

— Что ты делаешь? — Цянь Юцай не выдержал и потянулся за чемоданом на спине Ли Юмао. Но тот шёл слишком быстро, словно грабитель, и к тому же был значительно выше. Отобрать чемодан было практически невозможно.

Ли Юмао поднял чемодан на второй этаж, и Цянь Юцай побежал следом. Дверь была открыта, и первым внутрь забежал Братан. Цянь Юцай, сосредоточенный на том, чтобы вернуть чемодан, даже не осознал, что вошёл в дом Ли Юмао.

Комната была небольшой, в гостиной стоял старый диван. На диване лежал мальчик лет семи или восьми, худощавый, с телом, казавшимся ещё более хрупким, чем лицо. Он смотрел телевизор без особого интереса, но, увидев Ли Юмао, словно преобразился, наполнившись энергией. Он хотел подбежать к нему, но, встав, вдруг заколебался и снова сел. Его глаза загорелись, и он с улыбкой сказал:

— Братик, ты вернулся.

— Я вернулся, Ююн, — Ли Юмао поставил чемодан и сел рядом с ним, накинув на него плед с дивана. — Уже почти двенадцать, почему ты ещё не спишь?

— Я ждал тебя, — Ююн моргнул и улыбнулся, глядя на Цянь Юцай у двери. — Ты брат Цянь Юцай?

Цянь Юцай удивился:

— Ты знаешь меня?

— Брат Юцай, — Ююн похлопал по свободному месту на диване. — Садись сюда.

Цянь Юцай, глядя на почти одинаковые улыбки братьев, хотел отказаться, но Братан без колебаний подбежал к Ююну и сел перед ним, виляя хвостом. Ююн протянул руку, чтобы погладить его, и Братан покорно опустил голову, прижимая уши.

Предатель.

Цянь Юцай не ожидал, что Братан доведёт лесть до совершенства, и мысленно ругал его за отсутствие совести.

Внезапно его живот издал урчание, прервав их веселье. Ли Юмао встал и сказал:

— Я проголодался, пойду приготовлю что-нибудь.

Цянь Юцай, несмотря на смущение, держался с достоинством, хотя внутри был в панике. Он подошёл и, улыбнувшись Ююну, неловко сел рядом с ним.

Ююн сказал:

— Брат Юцай, я знаю дядю Цяня, он часто рассказывает о тебе.

— ...

Цянь Юцай знал о Ли Ююне, но не знал о его существовании. Он никогда не слышал от Старины Цяня о Ли Ююне. Он всегда думал, что Ли Юмао — единственный ребёнок, но оказалось, что у него есть брат, похожий на него.

Ююн с трудом вытащил из-под дивана игрушку. Это был ксилофон с чёрной подставкой, восемь разноцветными клавишами и круглым молоточком в углублении на обратной стороне.

Цянь Юцай замер, вспомнив. Этот ксилофон был его игрушкой в детстве. Тогда он был маленьким, и родственники дарили ему много интересных подарков. Но ему не нравились звуки, которые издавал ксилофон.

Лет в десять мать рассказала ему, что в два или три года он начинал плакать каждый раз, когда слышал его звуки, поэтому она убрала ксилофон. Через два года Ли Юмао пришёл к ним в гости, и Цянь Юцай, не испытывая к нему неприязни, решил подарить что-нибудь.

Он показал много своих сокровищ, но Ли Юмао не заинтересовался ничем, кроме ксилофона.

Позже Цянь Юцай понял, что Ли Юмао — лицемер, и хотел забрать подарок, даже готов был его сломать, лишь бы не отдавать. Но Ли Юмао не отдавал. Цянь Юцай разозлился и ударил его.

Ли Юмао не сопротивлялся, лишь защищал подарок, принимая удары.

Ююн ударил по ксилофону, и мелодичный звук разнёсся по комнате. Он закрыл глаза, наслаждаясь музыкой, и, довольный, положил молоточек.

— Брат Юцай, спасибо за подарок. С детства я очень люблю музыку и мечтаю стать музыкантом.

— ...

Цянь Юцай не знал, что сказать. Он хотел сказать, что подарок не от него, и даже собирался забрать его и сломать.

Его ненужная игрушка оказалась чьей-то заветной мечтой...

Он понял, что Ли Юмао солгал. Ли Юмао ничего не рассказал Ююну, но своими словами сделал Цянь Юцай добрым человеком.

Ююн сказал:

— Но моя мечта не сбудется... Я знаю, что скоро умру.

Его лицо выражало печаль, но в глазах была улыбка, хрупкая, словно последняя капля упрямства.

Цянь Юцай смотрел на него с недоверием. Его лицо было осунувшимся, тело слабым, а речь прерывистой. Он думал, что Ююн просто плохо питается, но не ожидал, что тот смертельно болен.

Цянь Юцай с трудом выдавил бледную улыбку:

— Ююн, не шути так, я ведь очень пугливый.